

Благодаря внушительным капиталовложениям в этот ветхий особняк съехались около двадцати именитых врачей со всего мира.

Группа иностранцев с высокими переносицами и глубоко посаженными глазами была крайне озадачена решением господина Лина доверить им операцию. Они наперебой галдели на английском, французском, немецком и итальянском. Господин Лин, указывая на Сюй Гэ, в ответ что-то эмоционально доказывал им, и иностранцы один за другим с ужасом уставились на девушку.

Сюй Гэ родилась под красным знаменем, выросла в лучах весеннего солнца и, будучи правильным во всех отношениях ребенком, принципиально не желала учить никакие языки, кроме родного. Однако даже при всей своей неосведомленности она отчетливо расслышала в этом гвалте два слова:

— О боже!

— Нет!

Сюй Гэ приподняла бровь и хлопнула по плечу стоявшую рядом Цзян Ли:

— Можешь перевести, что они там лопочут?

Цзян Ли усмехнулась и, указав на самого взбудораженного седовласого европейца, пояснила:

— Этот господин Кеннет говорит, что перед лицом Господа и людской совести он не желает участвовать в безнадежной операции. Он считает, что с помощью медикаментозного лечения Лин Миннань может прожить еще год-полтора.

Затем она указала на другого мужчину:

— А господин Майер заявил, что не может позволить, чтобы его врачебная репутация была попорана девчонкой.

— А этот господин утверждает, что в Китае вообще нет достойной медицины, что так называемая традиционная китайская медицина — сплошной обман, а сама эта особа — мошенница и никчемный мусор, и он не хочет быть обманутым таким отребьем, — нахмурившись, закончила перевод Цзян Ли.

Сюй Гэ вскинула подбородок, глядя на толпу иностранцев:

— Переведи им... спроси, готовы ли они поспорить? Если я мгновенно исцелю глубокую рану, они выплатят мне пять миллионов юаней!

Цзян Ли бросила на Сюй Гэ косой взгляд и, сухо кашлянув, «перевела» на английский, немецкий, французский и итальянский:

— Госпожа Сюй Гэ говорит, что китайская медицина невероятно глубока и обширна. Если вы не верите, она готова продемонстрировать это на деле.

— Что делать? — слышалось в ответ от группы иностранцев, чьи лица выражали полное недоумение.

Как доказать? Сюй Гэ с невозмутимым видом схватила лежавший рядом скальпель и вонзила его в живот тому самому средних лет европейцу, который только что распинался о шарлатанстве китайской медицины. За последние дни она успела скопировать множество техник старого Юя, и ее движения были настолько быстрыми, что изнеженный иностранец даже не успел среагировать. Раздался хлюпающий звук, лезвие глубоко ушло в плоть, и из раны хлынула кровь.

Благородный человек мстит и через десять лет, а подлый — с утра до вечера. Сюй Гэ всегда была злопамятной и мелочной, поэтому не упустила случая преподать урок тому, кто назвал ее мусором.

По маленькому дворику разнесся пронзительный крик. Цзян Ли, Лин Минлан и старик Юй сохраняли невозмутимость. Хотя этого мужчину привела Цзян Ли, Лин Минлану тоже хотелось увидеть, на что способна Сюй Гэ, а старик Юй во всем следовал воле своего молодого господина. Что касается Цзян Ли, то она сама испытывала неприязнь к этому высокомерному и грубому врачу, поэтому с удовольствием наблюдала за тем, как его проучили.

Сюй Гэ выдернула скальпель, и кровь из раны на животе мужчины хлынула еще сильнее. От острой боли тот отшатнулся и принялся осыпать девушку проклятиями. Остальные иностранцы были ошеломлены выходкой этой дерзкой девицы и застыли в немом шоке.

Цзян Ли проигнорировала поток ругательств, переведя лишь суть:

— Этот господин говорит, что подаст на вас в суд и наймет лучших адвокатов Северной Америки, чтобы вы остались без гроша.

Услышав про разорение, Сюй Гэ мгновенно вышла из себя. Она вытерла кровь со скальпеля и, одарив мужчину невинной улыбкой, спросила:

— Интересно, в чем же он собирается меня обвинить? Я ведь пальцем его не тронула.

Цзян Ли жестом велела ему осмотреть рану. Мужчина дрожащими руками задрал рубашку и застыл в изумлении: на животе не осталось ни единого следа, даже кожа выглядела нетронутой. Если бы не пятно крови на одежде, он решил бы, что все произошедшее — лишь

дурной сон.

Иностранцы были потрясены не меньше. Они своими глазами видели, как лезвие пронзило плоть, но теперь от раны не осталось и следа. Они прекрасно знали этого человека — ведущего хирурга из знаменитой американской больницы Джонса Хопкинса, святая святых мировой медицины. Его мастерство было признано во всем мире, и он точно не стал бы подыгрывать какой-то безвестной девчонке.

Европеец побледнел, ноги его подкосились, и он вцепился в край стола, с трудом выговаривая по-китайски:

— Цигун...

Из глаз врача потекли слезы, он что-то запричитал на английском, одновременно смеясь и плача. Сюй Гэ была в замешательстве: кажется, она ударила его в живот, а не по голове, с чего бы ему сходить с ума?

Цзян Ли, немного поколебавшись, перевела:

— Это ведь цигун, правда? Настоящий цигун! Почему? Почему я не встретил вас несколько лет назад?!

Коллеги врача, похоже, что-то вспомнили и помрачнели. Цзян Ли помолчала, а затем честно пересказала Сюй Гэ:

— Семь лет назад жена Стива попала в автокатастрофу и была при смерти. Тогда один человек, назвавшийся мастером китайского цигуна, потребовал два миллиона долларов, обещая спасти ее, но после смерти женщины просто сбежал. Хотя шансов у нее почти не было, Стив с тех пор невлюбил китайскую медицину. Впрочем, переносить гнев на других — глупость. Ваше мастерство безупречно, и я прошу прощения за грубость Стива от его имени.

Сюй Гэ на мгновение замерла, опустив глаза:

— Я понимаю. Усопших не вернуть, надеюсь, господин Стив сможет поскорее оставить это в прошлом.

Сказав это, она вышла из дома. Цзян Ли бросила на нее взгляд и последовала за ней.

Сюй Гэ вышла во двор и молча смотрела на цветы под навесом. Стояла весна, время расцвета, все живое дышало энергией, и даже в лучах заходящего солнца девушке казалось, что она слышит, как растения тянутся вверх.

Сзади раздался голос:

— Что с тобой? Только не говори, что ты расстроилась из-за Стива. Ты не из тех, кто мучается угрызениями совести.

Наступили сумерки, прохладный ветер коснулся лица Цзян Ли. Она стояла, засунув руки в карманы куртки, и смотрела на девушку, стоявшую к ней спиной.

Сюй Гэ не обернулась:

— Цзян Ли... мне всегда казалось, что этот мир фальшив. Люди, общество, Земля, сама вселенная — все это не по-настоящему. В тот день, когда я впервые убила человека, я изо всех сил убеждала себя, что это лишь иллюзорный мир данных и я не совершила ничего дурного.

Цзян Ли не совсем понимала, что та имела в виду под миром данных, но это не мешало ей чувствовать состояние Сюй Гэ. Наивная и жестокая, иллюзорная и реальная, глупая и мудрая — эта девушка была столь необычна, что их души с самой первой встречи отбросили все условности власти, богатства и происхождения. Вероятно, Сюй Гэ была самым близким ей по духу человеком на свете.

Сюй Гэ молчала очень долго — так долго, что солнце уже скрылось за горизонтом, и Цзян Ли решила, что та больше не проронит ни слова.

— Но если в мире, каким бы фальшивым он ни казался, существуют чувства и связи между людьми, он постепенно становится настоящим. Если дороги тебе люди рядом, есть ли разница, что реально, а что нет?

— Цзян Ли, ты слышала стихи Бай Цзюйи? — Сюй Гэ повернула голову, глядя на изящный профиль собеседницы. — Где сердце обретет покой, там и родина моя.

Цзян Ли помолчала:

— Как ты думаешь, хорошо ли, когда у человека появляются такие привязанности?

Сюй Гэ странно посмотрела на нее:

— Когда кто-то действительно становится для тебя смыслом, разве ты можешь отказаться от этого, даже если бы захотела?

Цзян Ли сжала правую руку в кулак, а через мгновение выдохнула, разжала пальцы и накинула свою куртку на плечи Сюй Гэ.

— Пойдем внутрь, похолодало...

Сказав это, женщина в одной лишь рубашке развернулась и пошла обратно к ветхому особняку, словно возвращаясь в череду своих бесконечных темных перерождений.

Воздух в загородной усадьбе был удивительно свежим. Сюй Гэ проснулась бодрой и вышла во двор, чтобы вместе со стариком Юем попрактиковаться в кулачном бою. Иностранные врачи, ставшие вчера свидетелями чуда китайского цигуна, теперь с горящими глазами наблюдали за тем, как старик и девушка выделывают в саду странные движения.

Доктор Кеннет из Британии, потянув за рукав нанятого переводчика, нерешительно подошел к ним:

— Госпожа Сюй и господин Юй, если мы будем повторять эти движения, мы тоже сможем овладеть таким же магическим исцеляющим цигуном?

Сюй Гэ, чьи познания в боевых искусствах основывались лишь на копировании, понятия не имела ни о каких школах, но с самым серьезным видом принялась пудрить мозги иностранным друзьям:

— Нет-нет, в Китае искусство исцеления и искусство поражения врага — это разные вещи.

С этими словами она топнула ногой, и на довольно твердой земле остался глубокий отпечаток. Иностранцы открыли рты от изумления и подняли вверх большие пальцы:

— О, кунг-фу!

Сюй Гэ, пересмотревшая в свое время немало фильмов, даже без переводчика поняла, что ее хвалят. Она скромно и сдержанно махнула рукой:

— Пустяки, пустяки. Вот господин Юй рядом — настоящий мастер.

Иностранцы перебросились парой фраз на своем «птичьем» языке, после чего доктор Кеннет снова обратился к Сюй Гэ:

— Нам невероятно повезло встретить вас, госпожа Сюй, владеющую секретами китайского цигуна. Это сокровище мировой медицины, было бы преступлением позволить ему исчезнуть. Мы надеемся, что с вашей помощью мы сможем донести цигун до всего мира. Разумеется, мы готовы предложить вам щедрое вознаграждение.